

ББК 87.6

УДК 316:1

Историческая память народа в испытаниях «интерпретационными войнами»

О.Л. Сытых¹, Л.К. Синцова²

¹ Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

² Алтайский государственный педагогический университет (Барнаул, Россия)

Historical Memory of the People in the Testing by “Interpretation Wars”

O.L. Sytykh¹, L.K. Sintcova²

¹ Altai State University (Barnaul, Russia)

² Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russia)

Статья посвящена исследованию исторической памяти. Авторы рассматривают историческую память в системе исторического сознания, выделяя в ней ряд важных элементов и обращаясь к механизму ее формирования. Значительное внимание уделено взаимосвязи интерпретаций исторических событий и исторической науки. Показано, как интерпретация влияет на историческую память народа, и то, что не любая интерпретация исторических событий оказывается приемлемой для народа, становится частью исторической памяти. «Переписывание истории» имеет ряд причин: это и идеологический заказ, и изменение иерархии ценностей, и открытие новых фактов и др. «Кардинальное переписывание» истории, как и ее интерпретация в черно-белых тонах, имеет неоднозначное и не всегда предсказуемое влияние на историческую память. При раскрытии проблемы авторы обращаются к конкретным примерам интерпретации истории. В статье показано, как и чем руководствовались историки Европы при написании единой европейской истории. Авторы также обращаются к исторической памяти российского народа, показывая, каким образом менялась интерпретация коллективизации и индустриализации в России и что повлияло на изменение представлений об этих важных событиях советской истории.

Ключевые слова: история, историческое сознание, историческая память, интерпретация, интерпретационные войны.

DOI 10.14258/izvasu(2015)3.1-38

Для существования народа, так же как и для сохранения личности, необходима память. Ее потеря означает потерю человеком себя, народом — своей истории. Память о прошлом дает возможность адекватно воспринимать настоящее и мудро планировать будущее. Философский подход к определению содержания

The article is devoted to the study of historical memory. The authors examine the historical memory in the system of historical consciousness, identifying a number of important elements and addressing the mechanism of its formation. Considerable attention is paid to the relationship between interpretations of historical events and historical science. The article shows how interpretation affects the historical memory of the people, and that not any interpretation of historical events is acceptable and becomes a part of the historical memory. “Rewriting of history” has a number of reasons: ideological order, and change the hierarchy of values, and the discovery of new facts etc. “Radical rewriting” of history as well as its interpretation in black and white colours, are ambiguous and not always has a predictable effect on historical memory. To solve the problem, the authors refer to specific examples of interpretation of history. The article shows what guided historians of Europe when writing European history. The authors also refer to the historical memory of the Russian people, showing varied interpretation of collectivization and industrialization in Russia and affected the changed perceptions about these important events of Soviet history.

Key words: history, historical consciousness, historical memory, interpretation, interpretation of the war.

понятия «историческая память» предполагает анализ соотношения рассматриваемого понятия с понятием «историческое сознание». Ж.Т. Тощенко, обратившись к проблеме современного состояния исторической памяти и исторического сознания, рассматривает историческую память как «атрибут общественного

сознания, который в условиях коренных общественных сдвигов имеет тенденцию к оживлению своей роли в духовном потенциале, как отдельного человека, так и народа в целом» [1, с. 3–14]. В.А. Ельчанинов видит сущность исторического сознания «в многообразном по форме отражении, оценке и эмоциональном переживании развивающейся во времени социальной действительности» [2]. Историческая память является системообразующим и неотъемлемым элементом в структуре исторического сознания.

Н.Н. Моисеев определяет память как систему, обеспечивающую запись (кодирование), хранение и передачу информации от одних поколений к другим [3].

В исторической памяти сегодня выделяют разные элементы: традиции, обычаи, обряды, знания, нормы, ценности, символы. При этом первые три элемента относятся к фундаментальному уровню исторической памяти, а следующие выделенные элементы (знания, нормы, ценности, символы) часто называют операциональным уровнем исторической памяти. Эти уровни по-разному представлены в индивидуальной, групповой и коллективной исторической памяти. Между ними существует тесная взаимосвязь и взаимовлияние. Анализ этой взаимосвязи и ее изменения может быть предметом специального исследования. Для данного исследования важно то, что историческая память обширна по своему содержанию, и в ней можно выделить целый ряд элементов. Некоторые исследователи делают акцент при характеристике исторической памяти на ее разноплановое содержание.

Так, по мнению О.Б. Леонтьевой, историческая память представляет собой и совокупность текстов, и совокупность образов. В первом случае в центре познавательной процедуры находится язык исторического письма и приемы исторической концептуализации, во втором случае исследование многозначных образов прошлого ориентировано на соотнесение их с концептами и проектами коллективной идентичности [4, с. 9–14].

Именно совокупность текстов, понимаемых в широком смысле (письменных источников, артефактов и пр.) и составляет значительную часть материала исторической науки, которая время от времени «переписывается». А переписывание истории, не всегда связанное с новыми историческими открытиями, часто выражается в новой интерпретации уже известных событий, основанных на все тех же текстах (и тех же фактах), оказывает влияние на историческое сознание, а через него (в нем же) опять замыкается на историческую память. Получается своеобразный круг, в центре которого находится историческая память. Вначале из нее как бы извлекаются события, затем (под влиянием обстоятельств или с определенными целями) начинают эти события подаваться под определенным «углом зрения» (или в новом контексте), а затем вновь, пройдя новую интерпретацию, становятся ча-

стью исторической памяти. И в этот период времени, когда новая интерпретация «должна стать» частью исторической памяти, значимую роль начинает играть «совокупность образов», часть из которых укоренена в мифах, легендах, культуре народа. От того, как новая интерпретация будет соотноситься с существующими у народа образами, легендами и преданиями, в определенной степени будет зависеть, станет она частью исторической памяти или нет. Иногда эта новая интерпретация прекрасно «вписывается» в историческую память и принимается большинством народа, но бывает и так, что она оказывается приемлемой только для небольшой части общества и обречена оставаться на периферии исторического сознания, не углубляясь в историческую память. Ю.М. Лотман писал: «Подобно тому, как индивидуальное сознание обладает своими механизмами памяти, коллективное сознание, обнаруживая потребность фиксировать нечто общее для всего коллектива, создает механизмы коллективной памяти» [5, с. 344–345]. И хотя это касалось его рассуждений о письменности, думается, это высказывание может быть отнесено к памяти вообще, в том числе и исторической. Безусловно, не все остается в исторической памяти.

Посмотрим на конкретных примерах на проблему изменения (переписывания) истории и попытаемся выделить причины этого явления.

Прежде всего, это может быть идеологический заказ, с чем столкнулась Европа перед объединением. Надо было привести учебники истории к некой «равной составляющей», иначе невозможно было бы обучать истории в едином европейском союзе. Решено было пересмотреть содержание и направленность учебных курсов по литературе, философии, граждановедению, географии и истории. Особое внимание было уделено истории. В 1993 г. была создана комиссия по образованию для XXI в. (комиссия Делора), члены которой неоднократно отмечали, что в многочисленных конфликтах, происходящих в Европе, в значительной степени повинна система образования, в которой история, исторический процесс представлен необъективно, недостоверно. «...Если бы события излагались более достоверно и их объяснение давалось бы с менее националистических и гегемонистских позиций ... то было бы гораздо сложнее вводить в заблуждение общественное мнение» [6, с. 76].

Вопросы изучения истории в школах Европы рассматривались на самом высоком уровне. На встрече в Вене глав государств — членов Совета Европы в 1993 г. было указано «на необходимость существенно перестроить учебные курсы истории, исключить материалы, которые могут питать расовые и националистические предрассудки, и, напротив, ярко показывать позитивное влияние стран Европы в их историческом развитии» [6, с. 76]. Вслед за этим вопросы изучения истории в Европе были обсужде-

ны на Парламентской ассамблее Совета Европы, где были приняты «Рекомендации об изучении истории в Европе». Хотелось бы обратить внимание на два положения этого документа. Первое касается рекомендации изучать историю целостно, рассматривая развитие экономики, политики и культуры европейских стран в их взаимосвязи, как факторы, формирующие европейскую идентичность, что само по себе не исключает изучения национальной истории. Второе положение касается рекомендации непосредственно международным комиссиям историков — «определить те аспекты исторических событий, оценки которых разделяются историками разных стран и могут быть адекватно отражены во всех национальных учебниках европейской истории» [6, с. 76].

Таким образом, забота Совета Европы и глав государств Европы о формировании нового европейского сознания включала в себя формирование исторического сознания как его важного элемента. И эта забота выливалась в конкретные действия и рекомендации, касающиеся создания «новой европейской истории». «Предложенный вариант новой европейской истории» не был безоговорочно принят европейским историческим сознанием и, конечно, сегодня еще не стал частью исторической памяти европейцев. Об этом свидетельствуют периодические массовые выступления рядовых европейских граждан против решений Совета Европы по политическим и культурным вопросам (прежде всего вопросам в сфере образования), шествия неонацистов и некоторые другие европейские события.

Еще одной важной причиной изменения «истории» и появления кардинально новых интерпретаций исторических событий является крупномасштабное изменение мира ценностей.

По мнению Г. Риккерта, не все происходящее в мире входит в поле истории, а только те события, которые были значимыми для последующего развития социума, культуры. «...Исторически важным и значительным считается не только то, что способствует, но даже и то, что мешает реализации культурных благ» [7, с. 93]. Взор историка обращен к тому, что может быть отнесено к культурным ценностям или имеет к ним некоторое отношение [7, с. 91]. На таких основаниях возникает история как наука. Именно об этой науке и идет речь, когда говорят о том, что история переписывается заново с каждым новым поколением. В нее начинают включаться факты, мимо которых «проходили» историки, исключаются некоторые события, вчера еще казавшиеся значительными, и в ней начинают меняться ценностные акценты при изложении известных исторических процессов.

На формирование образа истории, как и на изложение ее в текстах, сильное влияние оказывают «разноразличные» ценности. И здесь оказываются важ-

ны как «трансцендентальные ценности той или иной культуры», так и господствующие общечеловеческие ценности и ценности, принятые обществом в тот или иной период. От сочетания различных ценностей, их иерархии зависит интерпретация исторических персонажей (личностей) и исторических событий. Образы истории и исторические тексты зависят от «нашего вопрошания»: как и о чем мы спрашиваем и кто мы такие? От этого в значительной степени зависит ответ истории и формирование нашей исторической памяти.

Обратимся к недавней российской истории. Последнее ее значительное переписывание происходило в начале 1990-х гг. И связано оно оказалась не столько с «рассекреченными архивами», сколько с изменениями мира ценностей российских граждан.

Переоценка ценностей коснулась многих процессов российской истории, в том числе индустриализации и коллективизации. О них много писали при советской власти, их изучали в школах и вузах. И при этом подчеркивался героизм советских людей, участвующих в великих стройках, организующих колхозы и МТС. При изложении делался акцент на то, что без индустриализации и коллективизации страна (СССР), находившаяся в кольце блокады, была обречена на гибель. Не только тексты, но и образы героев — строителей Днепротэса, Комсомольска-на-Амуре, Павла Корчагина и многих других были частью исторической памяти, прекрасно вписывавшейся в глубины русской культуры и российского мировоззрения, основанного на жертвенности и соборности, трансформировавшейся в период советской власти в коллективизм и героический труд.

В 1990-е гг. появляется новая оценка этих событий. В знаниях о них мало что изменилось. Но приоритет в обществе завоевывают общечеловеческие ценности, и прежде всего ценность человеческой жизни. И вопрос о «выживании государства» в окружении «врагов» в период экономической блокады отошел на дальний план. Писать и говорить стали о тех человеческих жизнях (жертвах), которые были погублены в период коллективизации и индустриализации. Страницы газет и журналов (особенно это касалось журнала «Огонек») были заполнены множеством историй и исторических фактов о гибели конкретных людей, о перегибах коллективизации, об уничтожении наиболее деятельного слоя крестьян.

Повествование об индустриализации непременно стало сопровождаться рассказами о лагерях и работе заключенных, десятками тысяч погибших на заводах, каналах, ГЭС.

И при этом почти перестали вспоминать прежнюю оценку индустриализации и коллективизации. Пытаясь заострить внимание на «черных» страницах истории, доходили до крайности, отрицая значимость орденов и медалей, вполне заслуженно полученных при советской власти.

Но этот образ истории — «истории исключительно как ошибки народа» не был принят самим народом и именно поэтому не стал основой «новой исторической памяти», хотя прозвучавшая интерпретация некоторых исторических событий вошла в историческое сознание и в историческую память россиян, принявших общечеловеческие ценности как главные. Принятие или неприятие тех или иных интерпретаций исторических событий тесно связано с бытием человека, с динамикой социальной жизни [8].

Представляется, что в настоящее время происходит формирование менее конфликтного представления о российском историческом процессе, который уже не рассматривается только сквозь призму «черно-белых» оценочных тонов. Однако для перехода к новой, более взвешенной российской истории слом прежних интерпретаций, возможно, был неизбежен. Но такая жесткая форма смены интерпретаций не была продуктивной. Интерпретационные «войны», обрушившиеся на российскую историю, которые отразились на существовании множества учебников истории, порой с противоположными трактовками событий, — опасное явление, влияющее на формирование «клипового» исторического

сознания, опирающегося на «разорванную» историческую память.

Думается, что принципы написания истории, определенные европейцами, могут успешно применяться и для учебников российской истории, т.е. следует рассматривать историю целостно: в единстве экономики, политики и культуры народов, населяющих Россию, в их взаимосвязи, как факторов, формирующих российскую идентичность; максимально стремиться к изложению исторических фактов, не заменяя, а сопровождая их интерпретациями. Не забывая при этом, что История, представленная в сознании личностей (тех, для кого она пишется), отражается сквозь призму собственного бытия человека, сквозь призму того, что человек делал и делает в настоящем, сквозь призму того, как видится ему социальная жизнь и его собственное существование в будущем. Нельзя изложить историю безотносительно к современной жизни российских граждан.

Так же «нельзя забывать о когнитивной роли исторической памяти, что предполагает принципиальную исследовательскую установку на синтез прагматического и когнитивного подходов к ее изучению» [8, с. 190].

Библиографический список

1. Тощенко Ж.Т. Историческое сознание и историческая память: анализ современного состояния // Новая и новейшая история. — 2000. — №4.
2. Ельчанинов В.А. Историческое сознание : учеб. пособие. — Барнаул, 2002.
3. Моисев Н.Н. Алгоритмы развития. — М., 1987.
4. Леонтьева О.Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX — начала XX вв. — Самара, 2011.
5. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров: Человек — текст — семиосфера — история. — М., 1996.
6. Вульфсон Б.Л. Проблемы европейского воспитания // Педагогика. — 2000. — №2.
7. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. — М., 1998.
8. Сытых О.Л. Осмысление истории и рождение новых смыслов в историческом сознании // Философские дискрипты. — Вып. 8. — Барнаул, 2009.
9. Репина Л.П. «Мост из прошлого в грядущее», или вновь о метафоре памяти // Диалог со временем. — 2012. — №41 [Электронный ресурс]. — URL: <http://roii.ru/publications/dialogue/issue/41>.